

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Л. Э. Заварзина

ПЕДАГОГ-ОБЩЕСТВЕННИК ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ РЕДКИН

УДК 371.4

ББК 74.03(2)

В статье анализируются педагогические взгляды и деятельность П. Г. Редкина, направленная на привлечение внимания общества к педагогическим проблемам.

Ключевые слова: П. Г. Редкин, эпоха Великих реформ, педагог-общественник, педагогическая журналистика, Педагогическое общество, Фребелевское общество.

L. E. Zavarzina

PYOTR GRIGORYEVITCH REDKIN AS A PUBLIC PEDAGOGUE

In the article the views and works of P. G. Redkin which are directed to attracting attention to the pedagogical problems are analyzed.

Keywords: P. G. Redkin, the Great reforms period, public pedagogue, pedagogic journalism, Pedagogical Society, Frebel Society

В истории России конец 50-х — начало 60-х гг. XIX в., по справедливому утверждению П. Ф. Каптерева, «было временем живым, временем пробуждения общественной мысли и чувства, как будто весной, расцветом общественности» [7. С. 367]. В эту эпоху в области образования нужно было многое создавать заново: «школы, учителей, педагогическую журна-

листику, педагогическую литературу, педагогическую теорию и практику. И все это было создано» [Там же. С. 295]. Причина успеха, по мнению П. Ф. Каптерева, заключалась в том, что в пореформенной России «воспитание перестало быть преимущественно делом государства, но стало и живым общественным делом». Именно «в энергичном участии общества об-

разование почерпнуло великую и созидательную силу» [Там же].

В этот период общество выдвинуло целый ряд деятелей народного образования, для которых педагогические вопросы стали делом жизни, делом призвания, а не служебными обязанностями. Одним из таких педагогов-общественников был Петр Григорьевич Редкин (1808—1891), который, по словам современников, представлял собой «замечательный образец соединения глубоких познаний, трудолюбия, высокой честности и деятельной любви к просвещению» [8. С. 50]. Он был истинным педагогом по призванию. Многие поколения студентов Московского и Санкт-Петербургского университетов с благоговением вспоминали лекции Петра Григорьевича. Так, Ю. С. Рехневский писал, что никто из преподавателей Московского университета не производил на студентов «такого глубокого впечатления, как профессор законоведения и государственного права П. Г. Р[едки]н. В его чтениях было именно то, что могло увлечь молодых людей, — был юношеский жар и глубокое убеждение» [12. С. 405—406]. Другой выпускник Московского университета Б. Н. Чичерин, впоследствии ставший известным философом, правоведом и общественным деятелем, отмечал, что на лекциях П. Г. Редкина студенты приучались к логической последовательности мысли, к внутренней связи философских понятий. Юридическая наука представлялась им живым организмом, проникнутым высшими началами. «Он давал толчок философскому движению мысли; мы,

— вспоминал Б. Н. Чичерин, — стремились познать верховные начала бытия и воспламенялись любовью к вечным началам правды и добра, которым мы готовились служить всем своим существом» [15. С. 196].

Студенту А. Н. Афанасьеву, в будущем знаменитому собирателю русских сказок, запомнилось, что П. Г. Редкин «любил щегольнуть начитанностью и потому, указывая на источники своей науки, всегда исчислял нам бесконечное количество сочинений на всевозможных языках. Он проповедовал, что так как наука едина, то для того, чтобы знать основательно один предмет — необходимо изучать и все другие» [1. С. 265].

П. Г. Редкин родился 4 октября 1808 г. в г. Ромны Полтавской губернии, в дворянской семье. По окончании Роменского уездного училища он продолжил образование в Нежине в только что открытой гимназии высших наук князя Безбородко, которая в 1832 г. была преобразована в лицей. Первый директор этого учебного заведения В. Г. Кукольник и вскоре сменивший его на этом посту И. С. Орлай стремились привлечь в гимназию высококвалифицированные педагогические кадры. В годы учения Редкина в гимназии преподавали В. Г. Кукольник, И. С. Орлай, К. В. Шапалинский, Н. Г. Белоусов, благодаря которым здесь царил либерально-демократический гуманный дух. Известный поэт Н. В. Кукольник, учившийся вместе с Редкиным, вспоминая гимназические годы, писал, что в своем воспитании и развитии учащиеся «были обязаны духу заведения, тому высокому поэтическому и науч-

ному направлению, которое в воспитанников умели вдохнуть достойные начальники» [3. С. 55]. П. Г. Редкин же в своих воспоминаниях отметил высоконравственный образ своего учителя К. В. Шапалинского, в котором поражали «безукоризненная честность, неумятная справедливость, правдолюбивое прямодушие, скромная молчаливость, тихая серьезность, строгая умеренность и воздержание в жизни, отсутствие всякого эгоизма, всегдашняя готовность ко всякого рода самопожертвованиям для пользы ближнего» [Там же. С. 317].

Учебный курс в гимназии кн. Безбородко, как и в других гимназиях начала XIX века, был энциклопедичным. Гимназисты изучали краткий и пространный катехизис, библейскую и церковную историю, толкование Ветхого и Нового Завета, литургику, логику, нравственную философию, политическую экономию, естественное, римское и русское право, практическое судопроизводство, минералогию, ботанику, физику, химию, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, механику, военные науки, русскую и всеобщую историю, географию и статистику, русскую, французскую, немецкую и латинскую словесность; занимались рисованием, танцами, музыкой (игрой на фортепиано) и церковным пением [8. С. 51]. Такой хаотичный курс, лишенный всякой концентрации, способный скорее притупить умственные способности прилежного ученика, чем развить их или же приучить к поверхностному усвоению сведений, оказался полезен для будущего профессора энцикло-

педии законовещения, поскольку эта дисциплина требует знаний не одних юридических наук.

В гимназии поощрялась самостоятельная работа учащихся, в частности, их журналистская деятельность. Такие учащиеся, как П. Г. Редкин, Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник, К. М. Базили, Н. Я. Прокопович и некоторые другие, объединились для издания журнала. Это увлечение не прошло для гимназистов бесследно: в дальнейшем все они проявили себя в литературе, разумеется, в разной степени. Рано обнаруживавшееся сценическое дарование Н. В. Гоголя обусловило создание театрального кружка.

П. Г. Редкин значительную часть свободного времени проводит в библиотеке, где он состоит помощником библиотекаря, обязанности которого исполнял проф. Ландражин. Вероятно, выбор пал на П. Г. Редкина потому, что он поступил в гимназию с хорошим знанием французского языка, а в библиотеке гимназии были в основном книги на иностранных языках, преимущественно на французском.

Большая энциклопедическая программа гимназического курса, подкрепляемая всесторонне поощряемым самообразованием, была усвоена досрочно, и в 1826 г. П. Г. Редкин (проучившись в гимназии шесть лет вместо девяти) был выпущен первым кандидатом первого выпуска в составе шести человек. В тот же год выпускник поступил в Московский университет на этико-политическое отделение и проучился здесь два года. Отсюда был отправлен в так назы-

ваемый профессорский институт при Дерптском университете, где будущие профессора готовились к слушанию лекций в зарубежных университетах. В Дерпте Петр Григорьевич слушал лекции по юридическим наукам и занимался древними языками.

В 1830 г. П. Г. Редкин был направлен в Берлинский университет, который славился своими профессорами, особенно юристами. Здесь он слушал римское право у главы исторической школы права Ф. К. Савиньи, философию и историю права у Э. Ганса, политику и новую историю у Ф. А. Г. Раумера. Занятия логикой и историей философии у самого Гегеля завладели умом молодого россиянина настолько, что он стал ярым гегельянцем и оставался им почти всю свою жизнь. В дальнейшем Редкин стал самым заинтересованным пропагандистом учения «знаменитейшего мужа» в России, что видно из таких его работ, как «Обозрение гегелевской логики» (Москвитянин. 1841. № 8), «Взгляд на философию Гегеля» (Православное обозрение. 1861. Т. 1), наконец, 7-томный труд «Из лекций по истории философии в связи с историей философии вообще» (СПб., 1889–1891), где содержится обширный текстологический и аналитический материал о философии Гегеля. Кроме занятий юридическими и философскими науками, Редкин занимался изучением иностранных языков: он слушал энциклопедию филологии у знаменитого филолога А. Бека, изучал английский, итальянский и испанский языки, а по специальному заданию М. М. Сперанского — даже санскрит.

В 1834 г. П. Г. Редкин возвра-

тился в Россию, выдержал экзамен на получение ученой степени доктора права и с осени 1835 г. стал читать лекции по энциклопедии законоведения в Московском университете. Вскоре его коллегами по университету стали другие стипендиаты, также получившие за рубежом профессорскую подготовку, — Т. Н. Грановский, С. И. Баршев, Д. Л. Крюков, А. И. Чивилев. Попечителем университета в этот период был граф С. Г. Строганов, «человек весьма почтенный, благородный, любитель русской археологии», искусств, с профессорами и студентами он был всегда учтив, оказывал помощь бедным студентам [1. С. 249]. Стараниями С. Г. Строганова в университет были привлечены талантливые, блестяще подготовленные, а главное — отличающиеся высокой гуманностью профессора. П. Г. Редкин был именно таким преподавателем. Слушать его лекции приходили не только юристы, но даже медики и математики. Случалось, вспоминал Ю. С. Рехневский, что студенты других факультетов, прослушав одну лекцию Петра Григорьевича, переходили на юридический факультет лишь затем, чтобы иметь возможность постоянно слушать его лекции [12. С. 406].

Закономерным и логичным было влияние П. Г. Редкина на умственное развитие К. Д. Ушинского, бывшего студентом Московского университета в 1840–1844 гг. Лекции профессора права сказались и на дальнейшем направлении занятий основоположника российской педагогики. «Они впервые ознакомили его с философскими науками и возбудили

к ним любовь, и если впоследствии Ушинский всякому занимавшему его явлению старался отыскать философское основание и во всех своих трудах строго следовал философским началам, то этим он преимущественно обязан Петру Григорьевичу», — заключал Ю. С. Рехневский, однокурсник К. Д. Ушинского [Там же. С. 407].

С 1841 г. П. Г. Редкин совмещал профессорскую деятельность с обязанностями инспектора над частными учебными заведениями, состоя в то же время инспектором классов Александровского сиротского института, где также преподавал предварительные понятия о законоведении, основные законы учреждений и законы о состояниях. Почти все летние каникулы он проводил за границей: в Германии, Франции, Англии и Италии, где знакомился с постановкой учебного дела, осматривал учебные заведения, внимательно изучал педагогическую и детскую литературу. Интерес П. Г. Редкина к проблемам образования и воспитания был по-настоящему искренним и глубоким, в нем переплелись и общественные и личные начала. Во-первых, в атмосфере России уже чувствовался неподдельный интерес к распространению просвещения, а во-вторых, сосредоточием личных пристрастий Редкина было образование. Так, Петр Григорьевич сообщал своим биографам, что его любимая игра в детстве, когда он учился еще дома и в Роменском уездном училище, состояла в том, чтобы «собирать мальчиков, задавать им уроки и выслушивать их» [8. С. 58].

Большие надежды в плане воспитания подрастающего поколения и педагогического просвещения родителей, да и самих педагогов П. Г. Редкин возлагал на педагогическую журналистику. Он предпринял совместно с историком Д. А. Валуевым издание журнала «Библиотека для воспитания» (1843–1846), который после смерти Валуева назвал «Новая библиотека для воспитания» (1847–1849). «Новую библиотеку» можно считать своеобразным продолжением первого в России журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789).

Участниками журнала «Библиотека для воспитания», кроме П. Г. Редкина, были Т. Н. Грановский, Ф. И. Буслаев, И. К. Бабст, В. Ф. Одоевский, С. М. Соловьев и др. Эти выдающиеся интеллектуалы России названы в анонсе издания журнала за 1845 г. П. Г. Редкин обозначен как редактор по отделу педагогики и как общий редактор для различных статей. Под редакцией Редкина в 1845 г. вышло три выпуска педагогических статей, которые, как подчеркивал В. Я. Струминский, «по своему теоретическому уровню и содержанию составляют замечательное явление в педагогике 40-годов» [14. С. 22]. В «Новой библиотеке для воспитания» также сотрудничали профессор Московского университета и другие педагоги Москвы.

В. Г. Белинский уже первые два выпуска журнала приветствовал положительным отзывом: «„Новая библиотека для воспитания“, издаваемая г. Редкиным, есть единственная книга,

которую можно рекомендовать отцам семейств из всех книг этого рода, появившихся в последнее время. Не все статьи, составляющие ее содержание, одинакового достоинства, но между ними нет решительно дурных и есть очень хорошие» [2. С. 136]. Критик был уверен в том, что «ее издатель не будет жалеть никаких трудов на постепенное улучшение такого полезного занятия», как выпуск этой дельной и полезной книги для детей [Там же. С. 143].

В 1848 г. П. Г. Редкин был уволен из Московского университета как «замешанный в вольнодумстве». Более подробно об этом периоде жизни профессора можно прочесть в воспоминаниях Б. Н. Чичерина [15] и в очерке В. Я. Струминского [14].

Педагогическая деятельность П. Г. Редкина продолжилась в Петербурге. Общественно-педагогическое движение, начатое журналом «Морской сборник», не могло не захватить энергичную натуру Петра Григорьевича. В 1857 г. он совместно с К. Д. Ушинским подвинул А. А. Чумикова издавать «Журнал для воспитания», в котором стал наиболее активным автором. Чуть позже, в журнале «Учитель» И. И. Паульсона и Н. Х. Весселя (1861–1870), он также принимал самое живое участие, выступая распространителем прогрессивных педагогических идей. В «Учителе» Редкин поместил 47 статей под общим заглавием «Современные педагогические заметки». Он не скрывал от своих читателей, что находится под влиянием немецкой педагогической науки, в частности идей Дистервега и Браубаха,

но при этом настойчиво повторял, что его изложение «самостоятельно: г-н Браубах писал для Германии», а он пишет «для России» [11. С. 61]. Кроме заметок о германском образовании, П. Г. Редкин писал обо всем лучшим, что делалось в педагогическом мире на Западе, в частности в швейцарских, греческих, чешских школах, и что могло пригодиться для России.

Уже в первых своих статьях П. Г. Редкин приучал российское общество, еще не привыкшее к восприятию и обсуждению материалов на педагогические темы, задумываться над сложными проблемами воспитания. Откровением для современников стали многие его статьи, так как заставляли размышлять над теми вопросами, ответы на которые казались с первого взгляда очевидными. Так, в статье «На чем должна основываться наука воспитания» (1846) утверждение Редкина не соответствовало устоявшейся точке зрения, поскольку он писал: «В самом деле, земное счастье человека заключается не вне, а внутри его, — в его внутреннем сознании, в его совести; оно из него исходит, следовательно, есть произведение его собственной воли. Совершенство, возможное для человека, никогда не может быть достигаемо внешними средствами, а самостоятельной его деятельностью: без собственного стремления никакое совершенствование невозможно. Нравственным не может человека сделать воспитание без участия его воли. Воспитывать человека, подавляя в нем самостоятельность, не развивая ее постепенно, — значит противоречить своей собственной и общей цели воспитания» [Там же. С. 65–66].

В своих статьях П. Г. Редкин стремился определить, что такое воспитание, что такое образование, в чем особенности формального и реального образования, может ли образование ограничиваться одним возбуждением способностей или одним сообщением знаний и т. п. Но самой важной педагогической идеей П. Г. Редкина, по мнению П. Ф. Каптерева, является указание на необходимость самообразования. «Редкин, — писал историк педагогики, — на воспитание смотрел только как на кратчайший путь к самообразованию. Воспитатель должен беспрестанно возбуждать, укреплять и усиливать сознательную и свободную деятельность воспитанника с тем, чтобы воспитанник был в состоянии приобрести необходимые для самообразования светлый ум и твердую волю» [7. С. 308].

Педагогические статьи П. Г. Редкина, особенно такие, как «Выгонять или не выгонять ученика из училища?», «Как учителю вести себя с учениками», «Детские руки — золотые руки», «Не наказывать, а предохранять от наказания», «Любовь все может», «Малолетние преступники», дышат высокой гуманностью, любовью к детям, проповедают новый (для середины XIX в.) взгляд на воспитанника как на личность, которая достойна уважения; ратуют за тесную связь семьи со школой.

П. Г. Редкин одним из первых заговорил о важности специальной педагогической подготовки, которую должны получать будущие учителя. Необходимо создавать учительские семинарии, «где могут быть приго-

товлены как следует теоретически и практически учителя к своему званию», где они поймут, «как должна быть обработана их специальная наука и как следует обращаться с ней, чтобы она проникла в душу дитяти сообразно с его природой» [11. С. 186]. Он неоднократно подчеркивал, что учитель должен быть личностью, а для этого необходимо серьезно заниматься самообразованием. Необходимо, писал П. Г. Редкин, не упустить «из виду ни одного выдающегося события, факта, явления в мире, в жизни наук, искусств и художеств, достойного быть известным всякому человеку, имеющему сколько-нибудь права называться человеком образованным, современным, а тем более учителю, на которого окружающая его среда привыкла смотреть как на человека передового или по крайней мере от которого привыкла требовать, чтобы он был в своей среде представителем образованности, и за неисполнение этого требования теряющая к нему всякое уважение» [Там же. С. 172].

П. Г. Редкин понимал, что есть и другие средства, кроме педагогической журналистики, для распространения педагогических идей, обсуждения вопросов образования. Дело в том, что характерным признаком эпохи Великих реформ было создание различных научных обществ, дававших выход общественной инициативе в области науки. Общества объединяли не только профессиональных ученых, но и самые широкие слои интеллигенции, поскольку, как справедливо отмечала В. Р. Лейкина-Свирская, «как только в деятельности научных обществ

терялся общественный интерес, они хирели или оставались предприятием избранной кучки организаторов» [9. С. 199]. Некоторые из них существовали при университетских кафедрах, другие самостоятельно. Общества отличались характером и задачами деятельности, количеством членов и другими особенностями.

Большой известностью пользовалось Русское географическое общество, созданное в 1845 г. Одним из его руководителей и вдохновителем был знаменитый ученый-географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский (1827—1914). В следующем году заявило о себе Русское археологическое общество. В 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна было организовано Русское музыкальное общество. В 1863 г. при Московском университете возникло новое Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.

П. Г. Редкин выступил инициатором объединения столичных педагогов. Первое педагогическое собрание состоялось в его петербургской квартире 11 октября 1859 г. На нем присутствовали: редактор «Журнала для воспитания» А. А. Чумиков, педагоги И. И. Паульсон, Н. Х. Вессель, председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения А. С. Воронов, директора гимназий И. Б. Штейнман, В. Х. Лемониус, профессор К. И. Люгемиль, содержатель частного учебного заведения К. И. Май, доктор Изенбек. По предложению Редкина единогласно постановили: «образовать в Петербурге первое педагогическое общество с

целью изучения и исследования вопросов, относящихся к делу воспитания и обучения; сближения отечественных педагогов между собою и для распространения в обществе здоровых педагогических понятий и сведений» [13. С. 483]. Сначала собрания носили частный характер, но уже 9 января 1860 г. последовало официальное разрешение И. Д. Делянова, попечителя Петербургского учебного округа, о разрешении собираться во 2-й гимназии, как более центральной, два раза в месяц. С тех пор П. Г. Редкин в течение 15 лет избирался председателем Педагогического общества.

Вскоре Петербургское педагогическое общество своей деятельностью стяжало значение общерусской педагогической школы. Оно оказывало влияние на всю Россию, число его провинциальных членов возрастало из года в год. Они, приезжая в Петербург, смело являлись в Педагогическое общество и знакомились с теми специалистами, которые представляли для них наибольший интерес по роду их занятий. Душой Педагогического общества был его председатель: П. Г. Редкин прекрасно руководил собраниями, «умел указывать темы для рефератов, умел вести прения, вовремя останавливал горячего референта или оппонента, коротко и ясно обобщал мнения, а иногда прочитывал молодым педагогам целые лекции, если вопрос был неясен и требовал разъяснений с точки зрения научной, философской или юридической» [Там же. С. 484].

Педагогическое общество было чутко ко всем острым проблемам

современности, связанным с нарождавшимися народными школами и учительскими семинариями, открывавшимися женскими гимназиями, готовившейся реформой средних учебных заведений. В решении многих вопросов самое деятельное участие принимал К. Д. Ушинский после своего возвращения из-за границы в 1867 г. На суд членов Педагогического общества он отдал свои учебные и научные сочинения, написанные в Швейцарии, тем самым заложив традицию давать критическую оценку новой педагогической литературе.

П. Г. Редкин привлекал к участию в деятельности Педагогического общества начинающих энергичных педагогов, проявивших себя на различных поприщах педагогического труда. Именно так произошло с молодым преподавателем С.-Петербургской духовной семинарии П. Ф. Каптеревым, которого председатель рекомендовал в члены Педагогического общества.

Педагогическое общество было серьезным учреждением, пользовалось авторитетом в правительственных сферах, доказательством чего служит то, что Министерство народного просвещения поручило ему обсуждение своих проектов реформ. Общество рассматривало и различные частные вопросы. Так, оно решило издать для народных школ книги Н. А. Некрасова и «других авторов (Пушкина, Кольцова, Тургенева, Григоровича и др.)» [5. С. 266].

Петербургское педагогическое общество работало почти 20 лет, более пятисот человек состояли в его рядах. В числе их были попечители и инспек-

торы учебных округов, профессора и воспитатели, учителя и учительницы, врачи и матери семейств. Общество было закрыто в 1879 г. по представлению министра народного просвещения Д. А. Толстого на том основании, что оно нарушило устав, обсуждая уже утвержденные законом положения об учебной части. Министр был разгневан тем, что содружеством педагогов был поставлен вопрос о классической системе образования, господствовавшей в гимназиях, которая широко обсуждалась российской общественностью и имела много противников.

О том, что все члены Педагогического общества впоследствии тепло вспоминали о нем, свидетельствовала и инициатива Я. Г. Гуревича, главного редактора журнала «Русская школа», предложившего в своем выступлении по случаю 25-летия со дня кончины К. Д. Ушинского ходатайствовать о восстановлении Петербургского педагогического общества в память о великом педагоге. Педагогическое общество, признал Гуревич, «принесло в свое время не мало пользы распространению среди педагогов, да и вообще среди интеллигентного петербургского общества, здравых педагогических идей, благодаря постоянному участию в заседаниях... таких почтенных педагогов, какими были, не считая уже Ушинского, П. Г. Редкин, А. С. Воронов, Н. Х. Вессель, И. И. Паульсон, Ф. Ф. Резенер, В. Я. Стоюнин, А. Я. Герд, А. Н. Острогорский, Ф. Ф. Эвальд, В. Д. Сиповский, К. К. Сент-Илер, В. А. Евтушевский, И. Ф. Рашевский, Д. Д. Семенов,

З. Б. Вулих, А. Н. Страннолюбский и многие другие» [4. С. 47].

Однако восстановления Петербургского Педагогического общества не произошло. Чиновники от образования боялись его влиятельной силы. То, что делалось в Обществе, справедливо констатировал современник, «разносилось по всей России, вдохновляло провинциальных ее работников и руководило ими. Благодаря этому руководящему центру они чувствовали общность и цельность педагогических интересов. Это поддерживало в них интерес к педагогическому труду, увлекало высокою идейною стороною этой трудной деятельности» [10. С. 375].

Постоянный интерес к передовым педагогическим идеям, зарождающимся в Германии, обусловил еще одну инициативу П. Г. Редкина — учреждение в России Фребелевского общества. Предполагаемые ответы на вопросы, которые неутомимый педагог ставил в статье «Детские сады» («А у нас многие ли дамы знают о существовании Фребеля и детских садов, имеют понятие об их значении, помышляют о введении их в любезном отечестве?» [11. С. 166]), определяли последовательность действий в распространении идей Ф. Фребеля и создании первых детских садов в России.

Немецкий педагог Ф. Фребель (1782—1852) своими теоретическими сочинениями и практическими делами обратил внимание немецкой, а затем и всей европейской общественности и, прежде всего, матерей и педагогов к проблемам первоначального воспитания детей. Так, Полина Карловна

Задлер (впоследствии Раухфус) и Евгения Аристовна Вертер во время своего пребывания за границей познакомились с учениками и последователями Ф. Фребеля, побывали в детском саду и решили осуществить в российском образовании некоторые идеи о первоначальном воспитании детей, созданные западноевропейской педагогикой. Их инициативу поддерживали известные деятели отечественного образования и прежде всего П. Г. Редкин. Проект устава Фребелевского общества подписали 22 человека, среди которых были П. К. Задлер, Е. А. Вертер, П. Г. Редкин, а также А. С. Воронов (1819—1875), председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения; К. А. Раухфус (1835—1915), педиатр, организатор больничного дела, создатель образцовых детских больниц в Петербурге и Москве; П. П. Семенов (впоследствии Тян-Шанский).

Высочайшее соизволение на учреждение Фребелевского общества последовало 28 мая 1871 г., а 5 июня Министерство народного просвещения утвердило его устав. Первое общее собрание Общества состоялось 17 октября 1871 г., на котором П. Г. Редкин был избран председателем. Протоколы каждого заседания Общества фиксировали увеличение его членов. Так, уже к 29 апреля 1872 г. в Обществе было зарегистрировано 145 человек. Славная история этой наиболее значительной организации, работавшей в русле проблематики дошкольного воспитания в России XIX в., завершилась в марте 1918 г.

В 1863 г. П. Г. Редкин вернулся в студенческую аудиторию, он продолжил свою профессорскую деятельность теперь уже в Петербургском университете, где получил кафедру энциклопедии права. Студенты, как и прежде, с большим желанием и огромной любовью слушали его лекции. Так, М. В. Шимановский вспоминал, что даже в самые тяжелые периоды, «когда охваченная сомнениями молодежь бессильно металась из стороны в сторону, ища ответа на многие глупые и «проклятые вопросы» современности... профессор Редкин особенно громко возвышал свой голос и с факелом науки в руках освещал пути блуждающим, наставлял неопытных, ободрял неверующих» [16. С. 19].

Другой современник П. Г. Редкина публицист Е. И. Утин, выступавший под псевдонимом Е. О., подчеркивал, что профессор не боялся говорить студентам, что правда и справедливость являются для современного общества далекими идеалами. Миром же управляет грубая материальная сила, называющая себя правом. Сила господствует во всех сферах общества, «в международной политике, во внутренней политике всех современных государств, в экономической, социальной жизни народов. У правды и справедливости мало служителей, зато у силы — нет числа слугам и прислужникам» [6. С. 675]. Е. И. Утин писал, что П. Г. Редкин, как ученый и педагог, ставил себе высокую задачу — «воспитывать юношество в духе правды и справедливости, вербовать его в число горячих и страстных служителей этих

отдаленных идеалов человечества» [Там же].

В 1873—1876 гг. П. Г. Редкин был ректором Петербургского университета, в 1878 г. он оставил работу в университете и был назначен председателем Департамента уделов, в 1882 г. был введен в члены Государственного совета. Комитет грамотности отметил его деятельность на благо отечественного образования золотой медалью.

П. Г. Редкин внес свой вклад и в решение такой актуальной проблемы современности, как роль женщины в обществе и образовании. В 1888 г. вышла книга «К решению женского вопроса», в предисловии к которой анонимный автор-женщина, в частности, писала: «Я желала бы, по крайней мере, чтобы после того, как меня не будет на этом свете, настоящие мои заметки, содержащие в себе признания, желания и просьбы за женщину, дошли до слуха какого-нибудь добросердечного, человеколюбивого мужчины, который имел бы склонность и достаточное влияние для того, чтобы устроить более счастливую и большими правами наделенную участь женщины. О, если бы слова мои, выражающие все то, что я ощущаю и что желала бы высказать, тронули сердце такого человека!». Лишь после смерти П. Г. Редкина выяснилось, что эта книга была издана им и что отдельные статьи в течение многих лет составлялись по его указанию женой и дочерьми по журналам и сочинениям на французском, немецком и английском языках. Их содержание касалось природы женщины, ее прав и обязанностей, образования, сов-

ременного состояния и т. п. тем [13. С. 485].

П. Г. Редкин, соединивший в своем лице глубокую ученость с разносторонним образованием, высокое общественное положение с ежедневным кропотливым трудом, в течение своего более чем полувекового служения Отечеству оставался, прежде всего, педагогом-общественником. В своих начинаниях он действовал по собственному почину, а не по указке Министерства народного просвещения. Он понимал, что мало построить школы и набрать учителей и учеников, нужно, «чтобы в школах царил педагогический дух, чтобы была педагогическая атмосфера, чтобы педагогу было чем дышать» [7. С. 15]. А это невозможно без педагогической науки, без педагогической литературы, собраний, обществ, съездов педагогов. И П. Г. Редкин неустанно работал в этом направлении. Он своими действиями, в частности организацией педагогических журналов, выступлениями на педагогические темы в других изданиях, способствовал становлению и развитию отечественной педагогической науки. Его имя упоминается рядом с именами двух корифеев российской педагогики — К. Д. Ушинского и П. Ф. Каптерева, по отношению к которым он был подлинным учителем, направлявшим их первые научные шаги. Петр

Григорьевич, выступая инициатором и организатором Петербургского педагогического общества, видел цель этой общественной организации как в пропаганде педагогических знаний, так и в создании условий для педагогического общения, без которого невозможна прогрессивная педагогическая деятельность.

В своих педагогических статьях П. Г. Редкин часто обращался к западноевропейскому опыту, в частности германскому. Создание Фребелевского общества также не обошлось без этого влияния. Но, как справедливо подчеркивал П. Ф. Каптерев, было бы совершенно неверно видеть в увлечении немецкой педагогикой лишь недостатки и смешные стороны. Без знакомства с немецкой педагогикой «собственная педагогия развиваться не могла; пришлось бы вновь открывать Америку и ломиться в открытую дверь. На почве данных немецкой педагогики мы могли идти дальше и строить свою педагогию» [7. С. 319]. П. Г. Редкин понял это одним из первых и своими педагогическими сочинениями, хотя и во многом находящимися под влиянием западноевропейской педагогической мысли, положил свой краеугольный камень в фундамент, на котором было выстроено здание российской педагогической науки.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. Московский университет (1844–1848 гг.) / А. Н. Афанасьев // Московский университет в воспоминаниях современников. — М. : Современник, 1989. — С. 249–280.
2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. Т. X. — М. : Изд. во АН СССР, 1956.
3. Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб., 1881. — 474 с.
4. Гуревич, Я. К. Д. Ушинский как редактор «Журнала Министерства народного просвещения» / Я. Гуревич // Русская школа. — 1896. — № 4. — С. 42–47.
5. Деятельность Педагогического общества // Женское образование. — 1878. — № 4. — С. 266–268.
6. Е. О. [Утин Е. И.] Здравый идеализм. Из лекций П. Г. Редкина по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889 [Рец.] // Вестник Европы. — 1889. — Т. 3, кн. 6. — С. 667–677.
7. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. — СПб. : Алетей, 2004. — 560 с.
8. К. М. [К. Н. Модзалевский] Памяти Петра Григорьевича Редкина // Русская школа. — 1891. — № 4. — С. 50–63.
9. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. — М. : Мысль, 1971. — 368 с.
10. Песковский, М. Л. Константин Ушинский / М. Л. Песковский // Песталоцци. Новиков. Ушинский. Корф: Биографические повествования. — Челябинск : Урал, 1997. — С. 301–394.
11. Редкин, П. Г. Избранные педагогические сочинения / П. Г. Редкин // Сост. В. Я. Струминский. — М. : Госучпедгиз, 1958. — 314 с.
12. Рехневский, Ю. С. Константин Дмитриевич Ушинский (некролог) / Ю. С. Рехневский // Ушинский К. Д. Собр. соч. : В 11 т. Т. 11. — М. ; Л. : АПН РСФСР, 1952. — С. 402–429.
13. Семенов, Д. Д. Петр Григорьевич Редкин как педагог / Д. Д. Семенов // Женское образование. — 1891. — № 5. — С. 481–487.
14. Струминский, В. Я. П. Г. Редкин — русский педагог второй половины XIX века / В. Я. Струминский // Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения / Сост. В. Я. Струминский. — М. : Госучпедгиз, 1958. — С. 7–57.
15. Чичерин, Б. Н. Воспоминания / Б. Н. Чичерин // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). — М. : Правда, 1990. — С. 166–306.
16. Шимановский, М. В. Петр Григорьевич Редкин (Биографический очерк). Сообщение, сделанное в заседании Одесского юридического общества 30 октября 1890 г. / М. В. Шимановский — Одесса : тип. П. Францова, 1890. — 21 с.

П. Г. Редкин

ОБРАЗОВАННОСТЬ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА И ДУХ ВРЕМЕНИ*

Как бы различно ни определяли слово «образованность», но никто не будет отрицать, что образованность не есть понятие безотносительное, безусловное, абсолютное, постоянное для всех времен, а, напротив, понятие текучее, изменяющееся с изменением времени...

... в этом понятии есть и общие, непреходящие черты. Образованность всегда предполагает отрицание грубости и невежества, развитие чувствований, ума и воли, любовь изящного, истинного и доброго, твердость и энергию характера, — и все это гармонически соединенным в своеобразной личности, беспрестанно саморазвивающейся.

... можно сказать вообще, что всякий понимает образованность сообразно со степенью и качеством своего собственного образования и что, как в человеке, так и в народе, понятие об образованности изменяется с изменением или развитием их собственного образования. Чем образованнее человек, тем более подходит его личное понятие об образованности как к понятию вечному, так и к понятию своего времени. Чем образованнее народ, тем выше то, что называют

со времени Канта его цивилизацией, гражданственностью, его культурой вообще, так что под цивилизацией и культурой вместе и разумеют образованность народа.

Что касается собственно до культуры народа и целого периода времени, то она, как признают все, тем выше, чем совершеннее и полнее средства и учреждения, удовлетворяющие вещественным и духовным потребностям народа. А так как духовные потребности предполагают уже существование средств вещественных, то можно сказать, что культура данного народа тем становится выше, чем более распространяются в народе потребности духовные, чем более весь народ принимает участие в духовных, идеальных благах. Образованность каждого человека основывается на его физическом развитии и на владении им всеми необходимыми вещественными средствами; так точно и культура народа или всего века имеет вещественное основание, на котором уже возвышается духовное образование как отдельных лиц, так и всего народа, людей вообще.

Признаками современного состояния культуры служит: такое обраба-

* Редкин П. Г. Избранные педагогические сочинения / Сост. В. Я. Струминский. М. : Госучпедгиз, 1958. — 437 с. — С. 247—249.

тывание почвы, которое, по крайней мере, доставляло бы в достаточном количестве средства для удовлетворения народных вещественных потребностей; промышленность и торговля, освобожденные от всех препятствий и облегченные всеми средствами новейших открытий и изобретений; народное просвещение, распространяемое на всех и каждого посредством народных школ <...>; законная свобода слова, устного и печатного, для выражения общественного мнения; веротерпимость; самоуправление и т. п. Чем больше эти начала выражены в этом народе, тем на высшей степени цивилизации, культуры стоит этот народ.

Наконец, дух времени обуславливается опять степенью образованности, цивилизации и культуры данного времени.

Дух нашего времени проявляется преимущественно: в стремлении к свободному саморазвитию своей личности, к свободной самостоятельности сословий и общин; к ассоциации или свободному соединению лиц в силу

тождества их интересов и занятий, к гуманности, человечности, не ограничивающейся людьми, но простирающейся и на животных; к уравниванию всех перед законом и обществом, ведущим за собой уничтожение монополий, привилегий и прочее, к народности, или соединению единоплеменников в одно целое во всех отношениях, и прочее, — словом, к разумной, нравственной, гражданской и политической свободе всех и каждого. Чем кто более согласуется в своих мыслях и действиях с духом времени, тем он сам современнее и вместе с тем и образованнее.

Все это мы говорим к тому, чтобы учителя и училища соображали с этими общими требованиями образованности, цивилизации и культуры и духа нашего времени свои обязанности. Современное воспитание и обучение не должно ни предпринимать, ни постановлять, ни усваивать детям и юношам ничего такого, что было бы противно этим требованиям. Тогда только можно будет сказать, что они